

Бытие во времени как методологический аспект глубинной психологии

Синхрония и диахрония

Цель этой статьи — попытка обозначить сложившиеся в глубинной психологии методологические подходы к проблеме целостности, и дать некоторые общекультурные интерпретации этой проблемы.

В англо-американской традиции распространено слово «integrity» — безупречность, «хорошесть», а дословно — целостность. Именно чувство «хорошести» (целостности) и обеспечивает возможность сохранения тождества переживания на протяжении всей жизни, когда регрессия становится мало вероятной, способность к развитию и позитивному изменению сохраняется на протяжении всей жизни.

Наряду с этим существует другая методологическая тенденция, представленная Лаканом — концепция принципиальной дезинтегративности психического. Стабильное «Я», по Лакану, это чистая иллюзия. Однако лакановская дезинтегративность есть своего рода метаинтеграция (хотя такое рассуждение завело бы нас слишком далеко в область чистой методологии, то есть оснований логики и аналитической философии). Отметим лишь, что эта «чистая иллюзия», как называл Лакан интеграцию Эго, выполняет свою функцию, и от того, что мы назовем ее иллюзорной, ее функциональность не ослабевает.

Итак, проблема целостности субъективно-психического, или проблема интеграции психического гиперпространства, очевидно существует именно как методологическая проблема, а не как объект феноменологической критики.

Поскольку личность исторична в самой себе — как в общефилософском, так и в психологическом смысле слова — постольку главной проблемой целостности психического (или единства личности, или интеграции «Я») является проблема существования во времени.

В дискурсе глубинной психологии взгляд на эту проблему менялся в зависимости от развития взглядов на становление и функционирование личности.

В начале своего творчества Фрейд связывал недостаточность целостности «Я» только с одним периодом в развитии — Эдиповым комплексом. В более поздних работах, ближе к 1920-м годам и, в частности, в своей основной фило-

софской работе «По ту сторону принципа удовольствия» (1920), Фрейд постулирует тезис о недостаточной целостности человеческого «Я».

Он утверждает важность всех временных этапов как для развития, так и для дальнейшего функционирования «Я». В этой работе Фрейд формулирует единство трех метапсихологических моментов:

- 1) топического — это две фрейдовские топики (бессознательное, предсознательное и сознательное; и три инстанции: «Оно», «Я», «Сверх-Я»).
- 2) динамического — действующие инстинкты;
- 3) экономического — распределение энергии внутри психического аппарата.

Из этой метапсихологической основы рождается современный психоанализ.

Говоря об этапах развития личности и о том, как прежние этапы влияют на дальнейшие, нам приходится обратиться к той семантической реальности, в которой эти этапы могут быть выявлены. Этой реальностью является язык.

Размышляя о языке как о среде, в которой морфологизируется переживание, можно прийти к выводу, что определенные — весьма общие — характеристики и параметры языка как такового являются в некотором смысле не только средой, но и своеобразной метафорой существования психического.

Во всяком случае, проблема синхронии и диахронии является, как нам представляется, одной из базовых методологических проблем глубинной психологии.

Кажется неслучайным, что столь разные мыслители, как Фердинанд де Соссюр и Зигмунд Фрейд, работавшие в столь разных областях, но являвшиеся современниками — в своих работах затронули одну и ту же методологическую проблему — а именно проблему того, как развитие отражается в наличном бытии некоей сущности — будь это язык или психическая жизнь. Впрочем, то, что язык связан с психической жизнью, является бесспорным фактом не только глубинной психологии.

Фердинанд де Соссюр (1857–1913) в работе «Курс общей лингвистики» (опубликована посмертно, в 1916 г.) показал, что устройство языка можно рассматривать как во времени, так и безотносительно к оси времени. И хотя в лингвистике дихотомия синхронии — диахронии интерпретировалась по-разному: то как противопоставление статики динамике, то как противопоставление системы бессистемности, то как организованного в систему целого — единичному факту, то как противопоставление грамматики фонетике, то как противопоставление одновременности последовательности, однако почти ни одна методология не может игнорировать дихотомию синхрония-диахрония, поскольку любой объект научного исследования практически всегда рассматривается в своем становлении и развитии — в диахронии, и в своем наличном статусе — в синхронии.

Надо сказать, что проблема синхронии — диахронии является одной из самых сложных загадок философского осмысления действительности. И дело не только в том, что любой предмет существует в его наличном бытии и в его развитии, его истории. Важнее и сложнее другое — что в каждом моменте наличного бытия репрезентируются особенности развития, становления и в разные моменты наличного бытия они репрезентируются по-разному. Для глубинной психологии эта проблема важна как возможность представить себе поперечные срезы психоаналитических континуумов.

«Первичная психика неуничтожима», писал Фрейд, так же, как, по-видимому, неуничтожим первичный исторический опыт народа¹. Задача в том, чтобы понять трансформации первичной психики и исторического опыта и особенности встраивания в более зрелые структуры — как структуры психики, так и структуры культуры.

Говоря о важности этой проблемы надо сказать, что проблема существования во времени в ее методологическом значении может быть раскрыта с помощью сосюрвской дихотомии — синхронии и диахронии. Вкратце эта дихотомия может быть представлена следующим образом: становление и развитие и существование здесь и сейчас одного и того же предмета подчиняется разным законам и даже описывается разными науками. Возникает своеобразный познавательный парадокс. Мы знаем, что перед нами находится один и тот же предмет, но на поперечном срезе (здесь и сейчас) он существует по одним законам, а развивается по другим.

Эту проблему нельзя решить с помощью накопления срезов. Совершенно очевидно, что развитие не имеет ничего общего с механическим прибавлением. Только в движении от синхронии к диахронии и обратно можно приблизиться к исследованию предмета. Этот тезис является одним из наиболее важных для глубинной психологии.

Когда мы переходим от общей методологии к проблемам человека, мы можем сказать, что нет места в пространстве, где находится прошлое. Все пространство есть настоящее. Но в некотором смысле настоящего тоже нет. Есть постоянно бегущая граница, где будущее перетекает в прошлое. Если принять это, то настоящее — это наше прошлое, смотрящее на нас. Прошлое — это то, что нас формирует. Настоящее — это реализация нашего прошлого. Здесь и сейчас — это бесконечные там и тогда.

Речь идет о том, что человек, существуя здесь и сейчас, т. е., переживая настоящий момент, не только переживает его так, как он переживал другие настоящие моменты своего прошлого и не только то, но и временами так, как тогда. Таким образом, можно говорить о некотором континууме переживания, т. к. человек каждый раз переживает прошлое, отраженное в этом настоящем. Потом происходит репозиционирование прошлого в своем внутреннем опыте. Поэтому главная задача развития человека — это создание своего прошлого, чтобы оно всякий раз не оказывалось настоящим.

Способность к самоанализу формирует возможность принимать сигналы бессознательного конфликта и тогда иррациональная и преувеличенная реакция воспринимается без немедленной сверхкомпенсации архаичными защитными механизмами, идти вслед за инсайтом и достигать перемены в себе и (или) в окружении; и т. д. «Психоанализ — наука об онтогенезе сознания», — полагает Поль Рикер.²

Вот как пишет об этом Вэйкко Тэхке: «Непрерывное тестирование и модификация мира собственных представлений зависит от сохраняемой открытости для новых переживаний, связанных с внешними объектами. Когда это уже

¹ Фрейд, З. Размышления о войне и смерти (1915). Архетип. 1995. № 2.

² Рикер, П. Герменевтика и психоанализ. М., 1996.

больше невозможно, сознание закрывается, теряет свою готовность к обновлению и становится способным только к повторению». Это значит, что переносы в отношениях с первичными объектами не преодолены или преодолены в минимальной степени. «Эмпирическая дихотомия между собственным Я и объектом — основа и предпосылка для субъективного существования человека — говорит Тэкхе («Обращение с потерей объекта», 1984)³. При этом сформированное прошлое обязательно присутствует в настоящем, но уже именно как прошлое, а не как вневременной и, значит, внепространственный континуум переживания (где перепутаны представления о себе, об окружающих людях и т. д., вплоть до конкретных пространств).

Но только идеально сложившаяся личность может полностью построить и оборудовать границу между прошлым и настоящим. Скорее, здесь речь идет об идеальном и значит теоретическом конструкте. В реальности речь идет о более или менее намеченной границе. В реальности люди часто путают прошлое и настоящее (переносы не преодолены).

В реальности прошлое и настоящее (потребности, ценности, желания) оказываются не когерентными (не связанными, не организованными, не интегрированными). На деле речь идет о нескольких пучках потребностей, каждый из которых репрезентирует разные этапы прошлого, а так как у многих людей прошлое не сформировано именно как прошлое и путается с настоящим, то одновременно актуализируются разные пучки желаний и стремлений, относящиеся к разным периодам развития. В один момент, в одной и той же ситуации, одновременно действуют разнонаправленные желания и стремления. Таким образом, действующий активный субъект именно вследствие особенностей его внутреннего опыта бытия во времени не представляет собой нечто единое и непротиворечивое, и представляет собой многочисленные «там и тогда» спрессованные в неинтегрированное «здесь и сейчас».

Но и это еще не все. Именно в силу несформированности прошлого, субъект не способен осознать границу между «здесь и сейчас» и «там и тогда». Поэтому, как утверждает Мелани Кляйн, все человеческие смыслы индивидуальны. Поэтому же очевидно наличие субъективной истины и субъективного значения каждого человеческого поступка. На первый взгляд это кажется банальной констатацией — но это и есть основа драматизма межлических отношений.

Любое субъективное переживание может гиперсубъективизироваться: у Ролана Барта слои означаемых и означающих бесконечны. В книге «S/Z» (1970), в которой анализируется рассказ Бальзака «Сарразин», Барт переходит в своих рассуждениях о «множестве смыслов», где речь идет о зависимости от установок воспринимающего: «История или литература?», «Критика и истина» к идее «множественного смысла». Для Барта именно «множественный смысл» образует уровень произведения, который он и называет уровнем текста⁴. «Множество смыслов» в котором очевидна зависимость от установок воспринимающего, переключается с появлением переноса как эпистемологической специфики во фрейдовской философии, а «множественный смысл»

³ Тэкхе, В. Психика и ее лечение. М., 2001. С. 181.

⁴ Барт, Р. Семиотика. Поэтика. М., 1994.

в клейнианском переплетении объективного и субъективного в любом акте восприятия на современном уровне психоаналитической методологии.

Практическое значение этого круга методологических проблем, состоит в обретении бытия во времени как бесконечного выстраивания прошлого. Все вышесказанное относится к одному из многочисленных методологических аспектов глубинной психологии.

Если факт наличия субъективной истины любого переживания и поступка — это то, в чем согласны многочисленные и во многом другом спорящие друг с другом школы глубинной психологии, то понимание субъектности, как рефлексии иррационального в любом дискурсе может быть одним из многочисленных методологических аспектов разных ветвей психологии личности.

Развитие от первобытной орды к современной либеральной цивилизации — это своего рода «большая диахрония», или диахрония культуры в интересующем нас аспекте — аспекте развития переживания.

Развитие от ранней постнатальности к зрелости — это индивидуальная диахрония, или развитие переживания у индивида. Мы при этом должны помнить о фрейдовской инверсии биогенетического закона Геккеля — то есть мы утверждаем, что существуют филогенетические рекапитуляции (повторы) онтогенетических стадий.

Можно также утверждать, что в истории культуры также есть некие отдельные субдиахронии: Античность, Средневековье, Новое время, «Наше время». Это очень важная оговорка — глубинно-психологическая культурология отнюдь не утверждает прямолинейности развития от наиболее архаичных до наиболее современных форм культуры. На этом пути было множество разрывов, которые позволяют говорить, что в некотором смысле определенная культура как бы завершалась и как бы начинала свой путь сначала. На этом построены, например, концепции Николая Данилевского (1822–1885; «Россия и Европа», 1869) и Арнольда Тойнби (1889–1975; «Исследование истории», т. т. 1–12, 1934–1961). Мы не напрасно сказали «как бы завершалась и как бы начинала сначала». Даже самый поверхностный взгляд на историю культуры позволяет судить о том, что отдельные формы, созданные в исчезнувшей культурной стадии, продолжают существовать на последующих этапах. Это в равной мере характерно и для крупных фрагментов культуры, и для периодов жизни индивида.

Существуют также специфические культурные субдиахронии. Например, история европейского романа от начала Нового времени до распада романной формы в постмодерне. И, на более подробном уровне, творческие пути художников, философов, ученых.

Вкратце остановимся на истории европейского романа, отмечая уже неоднократно констатированное тождество онтогенетического и филогенетического.

В данном случае речь идет о схожести структур переживания, которые изоморфны различным стадиям психосексуального развития индивида, и смысловых структур, возникающих на различных стадиях развития романа.

Европейский роман возник в начале Нового времени. Главной его особенностью является вымышленный герой, наделенный всеми качествами живого человека. Средневековая же литература описывала либо реальных лиц — исто-

рических деятелей в хрониках, святых в житиях, — либо же мифологически-аллегорических персонажей, олицетворяющих добродетель или порок. Кроме того, роман включает в себя несколько сюжетных линий, множество действующих лиц; действие может переноситься из одного места в другое, из прошлого в настоящее и т. п. Романист, изображая вымышленные события, старается имитировать живую жизнь.

Разрыв со средневековой литературой не был одномоментным. С конца XV века до романа Сервантеса «Дон Кихот» завершается линия рыцарских романов Средневековья. Рыцарский роман ритуален — рыцарь совершает подвиги и поклоняется Прекрасной Даме. Это символизация монадических переживаний — проблемы материнского всемогущества и бессмертия. В рыцарском романе описываются чувства, которые на первый взгляд кажутся зрелыми и дифференцированными, но на самом деле они этикетны, формальны, очень символичны. Здесь есть переживание единства со всем миром, границ между собой и другим не существует.

В XVII в. расцветает плутовской роман. В плутовских романах человек, борясь с тяжелыми обстоятельствами, выживает, побеждает своих недоброжелателей и достигает благополучия. В конце такого романа герой становится добродетельным обеспеченным человеком. Любовь — не более чем акт гражданского состояния. Здесь можно увидеть диадическую асексуальность, жесткий мир стандарта и аморальность одновременно. Впервые появляется «Другой», но отношения с ним сводятся к доминированию или подчинению.

В середине XVIII в. появляется сентиментальный роман. Главной темой книги становится любовь. Само название жанра, ставшее его самоидентификацией — сентиментальный, то есть «чувствительный», посвященный человеческим чувствам. Хотелось бы сказать — посвященный человеческим переживаниям, но слово «переживание» стало широко употребляться лишь во второй половине XIX в. Ганс Георг Гадамер, обративший внимание на этот странный феномен, указал, что данное слово всего однажды встречается в начале XIX века (в переписке Гегеля). До этого — речь идет о любви, страсти, желании, чувстве, но не о переживании. Гадамер удивляется, что этого слова не знают романтики Шиллер и Гёте, столько писавшие о чувствах людей⁵. Но, очевидно, это не случайно. Переживание появляется там, где обнаруживается уникальность Другого и познание его, что позволяет формировать собственную идентичность.

В сентиментальном романе женщина уже не символична, как «прекрасная дама» в рыцарском романе, и не атрибут мужчины, у которого должны быть конь, шпага и жена, как в плутовском романе. Эта женщина уже реальна и чувства к ней вполне индивидуализированы. Но любящие соединиться не могут. Они — люди разных сословий, зачастую — разных поколений, и этот порог для них непреодолим, как непримирим разлад между идеалом и жизнью. Тема сентиментального романа — невозможность реализации влечения. Очевидно, здесь речь идет о триадических (эдиповых) проблемах.

И символизированные монадические переживания в рыцарском романе, и диадические асексуальность и аморальность в плутовском романе, и триади-

⁵ Гадамер, Г. Г. Истина и метод. М., 1960.

ческая невозможность реализации влечения в сентиментальном романе — все это чувства, не интегрированные в единую структуру переживания. Оттого, судя по всему, концепт переживания появился значительно позже.

В рыцарском, плутовском и сентиментальном романе практически нет целостного представления о мире. Это представление возникло в начале XIX века, с появлением исторического романа, основоположником и гением которого был Вальтер Скотт. Впервые в романе описывается жизнь как таковая — многогранная и единая в своей многосторонности. Основное внимание уделено движению истории, судьбам народов, государств. Человек здесь показан через историю, через его участие в грандиозных событиях. Суть исторического романа — открытие мира.

Любовь в этих романах благородна и строга. Семейные конфликты связаны с судьбами народа и государства. Этот жанр сохранился до нашего времени — например, многотомный роман Солженицына «Красное колесо».

Здесь речь идет о проекциях латентности. Присутствующая в исторических романах любовь — как бы не любовь. В «Трех мушкетерах» (1844) Александра Дюма линия любви Д'Артаньяна и Констанции Бонасье служит украшением сюжета. Сам же сюжет концентрируется на мужской дружбе, взаимопомощи, на бесконечных дворцовых интригах.

Наконец, в начале «нашего времени» (1830-е годы) появляется классический европейский роман — реалистический. 1831 год — «Красное и черное» Стендаля и почти одновременно — первые романы Бальзака. Здесь происходит открытие человека — себя и другого, здесь мир впервые рассматривается через человека.

Классический европейский роман, давший множество великих книг, посвященных переживанию себя в мире, закончился в середине XX века. Поздний реализм XX века — появление человека — автора и творца собственной жизни, что и является достижением целостности «Я». Любовь — наряду с религией, нравственностью, семьей, социальными проблемами, осмыслением самого себя — стала одним из элементов жизни. Рефлексия, в частности, стала рефлексией сексуального. Но уже в конце XIX в. темой европейской литературы стала невозможность любить. Позднее, в середине XX века, на авансцене европейской литературы появился «опустошенный человек».

Но не будет преувеличением утверждать, что с появлением чеховских героев («Скучная история», 1889 и «Страх», 1892), предвосхитивших европейского «опустошенного человека», появился запрос на новый рационализм, то есть на психоанализ.

Если диахрония — это история, то синхрония — это жанровая структура европейского романа на каждой из описанных стадий. Синхрония — это не текст, а структура текста. Ясно, что на каждом этапе эта структура будет различна. Различны взаимоотношения героев друг с другом и с окружающим миром, различны факторы, которыми эти взаимоотношения определяются. Достаточно вспомнить «путешествие женщины по европейскому роману» — от Прекрасной Дамы до Катюши Масловой и далее до «Пианистки» Эльфриды Еллинек — чтобы это стало ясно.

Однако каждый текст истории литературы (так же, как и всякое более или менее атомарное событие человеческой жизни) мы можем рассматривать как прагматический субститут синхронии. Диахрония опосредствуется синхро-

нией, то есть репрезентируется, операционализируется и овеществляется не иначе, как с помощью синхронии. Длительное «сейчас» формирует пластичное «раньше» и зависящее от него «потом».

Диахрония существует сама по себе, она не нуждается во взгляде извне. Язык будет существовать независимо от того, придет или не придет лингвист, сделает или не сделает его описание «на данный момент». Для существования языка достаточно того, что есть те, кто на нем говорят, воспроизводят речь. Таким образом, экзистенция диахронии бесспорна как бесспорны «вчера и завтра», «только что и через полминуты», «я сказал и получил ответ».

Что же такое синхрония в плане переживания (или, далее, в плане изучения переживания). Кажется, что синхрония и есть эта вечно движущаяся граница между «только что было» и «через миг настало». Граница, на которой мы и находимся. Поскольку ни будущего ни прошлого как пространственной или временной реальности нет — они существуют лишь как фантазия и как временное соотношение. Эта синхрония, эта граница, это вечно длительное «здесь и сейчас» и есть наиболее яркое и полное переживание именно движения, именно диахронии. Но для того, чтобы эта «щель», этот «миг между прошлым и будущим» был пережит именно в качестве синхронии, время должно замереть. А этого не бывает — кажется, даже в снах, фантазиях и научных трактатах.

Отсюда с неизбежностью возникает вопрос: насколько бесспорной (то есть насколько переживаемой) является экзистенция синхронии. Судя по всему, фраза «Я говорю» или «я совершаю поступок» (а в конечном итоге «я существую») нуждается в логико-психологическом и философском анализе не меньше, чем знаменитые парадоксальные «я лгу», «я сплю», «я повесился».

Иными словами, для того, чтобы синхрония приняла субъективно переживаемую экзистенциальную бесспорность, нужен Другой.

Нужен Другой по отношению к существующему и переживаемому сиюминутность своего существования. Некто или нечто, относительно которого я утверждаю свое «здесь и сейчас», меж тем как он находится «там и тогда» — пусть расстояние в пространстве и времени мизерно — как между собеседниками, которые близко склонили головы друг к другу и быстро переговариваются. «Я говорю» означает «ты меня слушаешь». Сиюминутный акт говорения воспринимается как таковой только слушателем. Для говорящего человека то, что он говорит — завершение цепочки переживаний, или изложение происшедших событий.

То же касается поступка, события. Легче всего было бы считать именно некое «жизненное событие», сжато выраженное в «поступке», своего рода синхронией, одномоментным поперечным срезом истории развития и переживания этого человека. Действительно, в «поступке» достаточно четко и определенно очерчиваются участники, отношения между ними, действия, ценности и т. п. — и все на маленьком пространственно-временном пятнышке.

Однако и поступок — даже тот, в котором присутствует минимум участников, а именно сам «поступающий» и некто / нечто, в отношении чего поступок совершается — тоже историчен. В русском языке нет грамматической категории перфекта. Например, «I have done it» — дословно: «я это сделал, и вот оно». Но когда мы по-русски говорим: «я сделал», «полюбил», «сказал» — это,

по сути, и есть тот же перфект, «глагол совершенного вида», то есть нечто совершенное в прошлом, но имеющее следствие в настоящем.

Таким образом, если продолжать и конкретизировать метафору о синхронии как о «поперечном срезе» — придется признать, что синхрония всегда обладает некоей толщиной. Синхрония — это не только линза, сквозь которую более или менее отчетливо видно диахронное прошлое. Синхрония, далее, это срез, части которого позволяют судить (подобно волокнам на срезе растения) — какая часть давнего, а какая недавнего происхождения. Наконец, в самой толще синхронии всегда что-то происходит, движется, меняется — пусть и в очень малом масштабе.

Абсолютная тонкость синхронного среза в принципе недостижима. Или же она настолько же абстрактна, насколько и бессодержательна. В самых сжатых грамматических описаниях волей-неволей приходится отмечать, что одна форма является устаревшей, а другая — новой. Поскольку лингвист описывает синхронный срез языка в течение какого-то времени (пусть весьма короткого), то, что он уже описал, становится устаревшим по отношению к тому, что он еще описать не успел.

Таким образом, культурным феноменом синхронии является некая более или менее отграниченная во времени и пространстве ситуация.

Разумеется, в любой, самой сжатой синхронии присутствует «перфект» как логико-психологическая категория: глагол «совершенного» вида, нечто «совершённое», прошлое, имеющее следствие в настоящем.

В культуре из позднего рассказа какого-либо писателя мы не можем реконструировать его ранний рассказ и наоборот. Не говоря уже о реконструкции в большем протяжении времени: например, из рассказа Чехова реконструировать повесть Пушкина или из пьесы Чехова сконструировать пьесу Беккета.

Что же мы можем? Мы можем уловить те культурные механизмы, которые транслируют прошлое в настоящее, создавая столь необходимые для зрелой культуры мосты между «там и тогда» и «здесь и сейчас» — в перспективе интегрируя оба эти аспекта в целостное переживание зрелого «я», свободного от двух главных страхов человека и культуры — перед прошлым и перед будущим.